

**Электронное
периодическое издание**

«Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека»
№ 4 (28) АПРЕЛЬ 2016

**Свидетельство
о регистрации СМИ**

ЭЛ № ФС77-58098
от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной
службой по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители

ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель

ООО «Развитие
правовых систем»

Подписано в печать

28.04.2016 г.

Главный редактор

Д. Давыдов

Перевод текстов

Ю. Берестнев,
Н. Прусакова

Адрес редакции

127050 г. Москва,
ул. Суцневская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 258-5601
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска

1.0 Мб

Свободная цена

Перепечатка материалов,

а равно иное использо-
вание в коммерческих
и некоммерческих целях,
возможна только
с письменного
разрешения редакции.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2016

© ООО «Развитие
правовых систем», 2016

Мнение редакции

может не совпадать
с точкой зрения авторов
статей и аналитических
материалов

В оформлении дизайна

издания используется
символика Совета Европы
и Европейского Суда
по правам человека
© Совет Европы /
Архитектура: Партнерство
Ричарда Роджерса
(Richard Rogers
Partnership)
(Европейский Суд
по правам человека)

СОДЕРЖАНИЕ

**А. Соболева. «Авторитет и беспристрастность
судебной власти» в толковании Европейского Суда:
СМИ и интересы правосудия..... 3**

Постановления Европейского Суда по правам человека

Прагер и Обершлик против Австрии 18
[Prager Obershlik v. Austria] (жалоба № 15974/90)

Заявители, журналист и издатель, жаловались на их привлечение к ответственности за диффамацию в связи с опубликованием ими статьи, в которой они критиковали судей уголовных судов, а также дали характеристику девятерым судьям Венского окружного уголовного суда.

Европейский Суд постановил пятью голосами «за» и четырьмя – «против», что в данном деле власти Австрии не допустили нарушения статьи 10 Конвенции.

Де Хаэс и Гийселс против Бельгии 38
[De Haes and Gijssels v. Belgium] (жалоба № 19983/92)

Заявители опубликовали серию из пяти статей, в которых они подвергли жесткой критике действия судей во время громкого бракоразводного процесса. Они также жаловались на нарушение права на независимый и беспристрастный суд и право на свободу выражения мнения за их судебное преследование, связанное с опубликованными статьями.

Европейский Суд постановил семью голосами «за» и двумя – «против», что в данном деле власти Бельгии не допустили нарушения статьи 10 Конвенции и единогласно что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Ворм против Австрии 73
[Worm v. Austria] (жалоба № 22714/93)

Заявитель, являющийся журналистом, опубликовал статью, в которой с сарказмом комментировал ход судебного процесса в отношении бывшего министра финансов и давал психологические характеристики прокурору, судье, обвиняемому.

Европейский Суд постановил семью голосами «за» и двумя – «против», что в данном деле власти Австрии не допустили нарушения статьи 10 Конвенции.

Шёпфер против Швейцарии 89
[Schöpfer v. Switzerland] (жалоба № 25405/94)

Заявитель, являющийся адвокатом, обжаловал свое привлечение к дисциплинарной ответственности за высказанные им мнения в прессе о несоблюдении законов и нарушении прав человека в кантоне.

Европейский Суд постановил семью голосами «за» и двумя – «против», что в данном деле власти Швейцарии не допустили нарушения статьи 10 Конвенции.

Райчинов против Болгарии 99
[Raichinov v. Bulgaria] (жалоба № 47579/99)

Заявитель жаловался на признание его виновным в оскорблении за высказанное во время заседания Верховного судебного совета мнение о заместителе генерального прокурора. Заявитель утверждал, что осуждение нарушило его право на свободу выражения мнения.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле властями Болгарии было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

«Авторитет и беспристрастность судебной власти» в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия

Анита Соболева¹

Возможность доступа к информации о работе судей и отправлении правосудия – характерная черта демократии. Граждане имеют право знать о ходе судебных процессов по делам, вызывающим общественный резонанс, о принимаемых судьями решениях, проблемах самой судебной системы и о том, насколько ее функционирование отвечает интересам и ожиданиям общества. Задача СМИ – распространять такую информацию. Однако отношения между СМИ и судами сложны и чреваты возникновением конфликтных ситуаций: критические комментарии журналиста или раскрытие им информации о судебном процессе могут при некоторых обстоятельствах вступить в противоречие с принципом равенства сторон и принципом авторитета и беспристрастности правосудия. Анализ практики Европейского Суда позволяет вывести закономерности, которые следует учитывать при рассмотрении споров, затрагивающих критику судебной власти в СМИ или поднимающих вопросы неуважения к суду.

Ключевые слова: авторитет правосудия, беспристрастность правосудия, судебная власть, статья 10 Европейской конвенции, свобода выражения, судебное толкование.

Access to information about the administration of justice is one of the cornerstones for democracy. People have the right to receive information from the press about the trials which provoke wide public response and get experts opinions about work of judges and judicial system as a whole. However, the relationship between mass media and judicial power are tense and contradictory: the necessity to inform the public about the proper administration of justice and the right of the journalists to express their opinions about the trials and legal disputes can come into conflict with the principles of the equality of arms and impartiality of judiciary. The analysis of the case law of the European Court of Human Rights allows to identify some trends which should be taken into account when the cases involving critical remarks about judiciary or contempt of court are waiting for resolution.

Key words: authority of judiciary, impartiality of judiciary, judicial power, Article 10 of the European Convention, freedom of expression, judicial interpretation.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в статье 10 провозглашает свободу выражать свое мнение, которая включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Однако эта свобода не является безграничной, ее осуществление в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции налагает «обязанности и ответственность» и «может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия». В то время как цели, ради которых могут ограничиваться права человека, по большей части совпадают в статьях Конвенции, есть и различия, в частности, авторитет и беспристрастность правосудия как правомерная цель указаны только в статье 10 Конвенции. Правда, в статье 6 Конвенция (право на справедливый суд) упоминаются «интересы правосудия» – они могут являться основанием для изъятия из принципа гласности судопроизводства или требовать предоставления обвиняемому бесплатной юридической помощи. Тем не менее «интересы правосудия» отличаются как теоретико-правовая концепция от «авторитета право-

¹ Анита Карловна Соболева – доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. В качестве адвоката вела дела в Европейском Суде, является одним из авторов-разработчиков онлайн курса Совета Европы для практикующих юристов по стандартам Совета Европы и практике Европейского Суда в области предотвращения дискриминации.

судия», поскольку «интересы» связаны с защитой не судей и судебной власти, а с предоставлением дополнительных гарантий участникам процесса. В контексте же статьи 10 Конвенции приходится искать баланс между прозрачностью правосудия, требующего распространения информации о деятельности судов, и созданием такой атмосферы для работы судей, которая позволит им выносить справедливые решения, не обусловленные давлением публики. Это противоречие приводит к напряженности: «Зачастую отношения между печатью и правосудием достаточно сложны и чреваты конфликтными ситуациями»¹, – замечает Микеле де Сальвиа.

Почему судебная власть должна пользоваться повышенной защитой

Почему же «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия» было включено в пункт 2 статьи 10 Конвенции в качестве правомерной цели, позволяющей ограничивать свободу выражения мнения? Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в Постановлении по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства»² признал, что текст этого пункта Конвенции был подсказан английскими нормами о неуважении к суду.

Само дело газеты «Санди Таймс» возникло из наложения на нее судебного запрета на продолжение публикаций о врожденных дефектах у детей, матери которых принимали во время беременности препарат талидомид. В ранее опубликованной статье газета написала о ходе судебного процесса, вызванного исками сотен семей к производителю препарата – корпорации «Дистиллерс», раскритиковала непропорционально мизерные суммы возмещения, которые предлагались корпорацией для урегулирования споров по мировому соглашению, и призывала семьи, столкнувшиеся с аналогичной проблемой, присоединиться к искам против «Дистиллерс». Статья содержала анонс продолжения публикаций на ту же тему. Корпорация настаивала на отсутствии причинно-следственной связи между приемом препарата матерями и врожденными увечьями у детей, в связи с чем она заявила ходатайство о наложении судом запрета на продолжение публикаций до окончания судебных разбирательств, посчитав, что негативное общественное мнение может повлиять на исход судебного процесса не в ее пользу. В 1972 году суд издал судебный приказ и предупредил газету, что продолжение публикаций будет рассматриваться как неуважение к суду и повлечет уголовные санкции. Одновременно на ту же тему продолжались выступления членов парламента и публикации в других изданиях, что, по мнению «Санди Таймс», лишало наложенный исключительно на нее судебный запрет какого-либо смысла. Кроме того, газета видела нарушение своих прав в постоянных ограничениях, которым она подвергалась вследствие чрезмерной широты и расплывчатости действующего британского законодательства о неуважении к суду.

Рассматривая жалобу «Санди Таймс», Европейский Суд подробно изложил свою позицию по поводу того, что же следует понимать под «органами правосудия», «авторитетом судебной власти», и почему они должны пользоваться повышенной защитой. «Фраза “авторитет судебной власти”, – пишет Европейский Суд, – выражает идею о том, что суды – это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать споры о них; широкая публика должна воспринимать их в таковом качестве и с уважением и доверием относиться к способности судов выполнять данную функцию»³. Он согласился с доводами Правительства Соединенного Королевства, что «надлежащая правовая процедура может лишиться уважительного к себе отношения, а функции судов окажутся узурпированы, если мнение общественности по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства, будет сформировано до их рассмотрения судом или если участникам судебного процесса придется подвергнуться “суду прессы”». Кроме того, по мнению Европейского Суда, «нельзя забывать и о том, что привычка общественности к регулярному зрелищу псевдосуда в средствах массовой информации может иметь, в конечном

¹ Микеле де Сальвиа. Европейская конвенция по правам человека. Спб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 240.

² Постановление по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства» от 26 апреля 1979 г., жалоба № 6538/74.

³ Там же, § 55.

счете, пагубные последствия для восприятия судов как надлежащего места разрешения правовых споров»¹.

Однако сама по себе забота о поддержании авторитета суда не всегда оправдывает ограничения на свободу выражения мнения: «Общая цель включения этих слов, – замечает Европейский Суд, – состояла в том, чтобы “уважение к суду” считалось правомерным в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции, а не в том, чтобы превратить этот институт в эталон, по которому будет проводиться оценка “необходимости” той или иной конкретной меры». Европейский Суд отметил, что не считает себя связанным нормами национального права и их толкованием национальными судами при оценке того, что же следует понимать под «неуважением к суду» или подрывом авторитета правосудия. Именно поэтому в деле «Санди Таймс» он признал, в конечном счете, что в указанных обстоятельствах наложение судебного запрета только на одну газету да еще под угрозой привлечения к уголовной ответственности составляло непропорциональное вмешательство в свободу выражения мнения и являлось нарушением статьи 10 Конвенции.

Интересно отметить, что в упоминаемом в Постановлении Европейского Суда докладе комитета Соединенного Королевства по изучению вопроса о неуважении к суду (так называемом докладе Филлимора) английский институт неуважения к суду назван «средством, позволяющим судам предотвращать или карать поведение, направленное на то, чтобы злоупотреблять, препятствовать или наносить ущерб отправлению правосудия». В нем же указывается, что этот правовой институт призван защищать не достоинство судей, а «интересы отправления правосудия» и «основополагающий принцип верховенства права»².

Таким образом, являющийся «детисцем общего права»³ институт защиты правосудия был включен в текст Конвенции при разработке статьи 10 для того, чтобы формировать у граждан Европы отношение к суду права как к надлежащему и беспристрастному органу, призванному разрешать правовые вопросы без давления со стороны общественного мнения.

Кто относится к «органам правосудия», и кого защищают нормы о неуважении к суду?

О каких же конкретно органах и должностных лицах идет речь, когда требуется защитить «авторитет правосудия»? При толковании этой фразы следует обратить внимание на то, что в английском тексте Конвенции использовано слово «*judiciary*» – «суды и судьи, судебная власть, органы правосудия». В русском варианте текста Конвенции его перевели как «правосудие», выбрав одно, наиболее подходящее по смыслу значение слова «*judiciary*». В связи с этим следует иметь в виду, что там, где в русском переводе решений будут встречаться различные термины, в английском тексте используется одно и то же слово. На самом деле это не имеет принципиальной разницы, поскольку речь в любом случае идет о тех, кто вершит правосудие или участвует в процессе его отправления. Кто же это, по мнению Европейского Суда?

«Понятие “судебная власть (*judiciary*)”, – пишет Европейский Суд, – охватывает механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей при осуществ-

¹ Постановление «“Санди Таймс” (Sunday Times) против Соединенного Королевства», § 60. О том, что опасность существует, пишут и российские исследователи. С.В. Потапенко справедливо замечает, что при замене реального правосудия «судом газет» не только искажается роль суда в государстве и обществе, но деформируется сама природа журналистской профессии, а «журналистские расследования и информационное сопровождение резонансных судебных дел нередко превращаются в журналистские преследования негодных судей, заказанные лицами, заинтересованными в вынесении незаконных судебных решений» (См.: *Потапенко С.В.* О роли СМИ в обеспечении авторитета и беспристрастности правосудия // Научный журнал «Труды по интеллектуальной собственности». 2012. № 1. См. также: *Потапенко С.В.* Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия при освещении судебной деятельности в СМИ: правовые и этические аспекты // Этические вопросы освещения судебной деятельности в СМИ. М.: АНО ТЦ ЮНЕСКО, 2011. С. 53–60).

² Постановление по делу «“Санди Таймс” (Sunday Times) против Соединенного Королевства», §§ 18, 36.

³ Термин позаимствован из решения Европейского Суда, § 18.

влении ими своих должностных обязанностей»¹. Он соглашается с трактовкой Филлимора, что формы поведения, охватываемые нормами о неуважении к суду, относятся в основном либо к позиции судей, либо к функционированию судов и аппарата юстиции.

К механизму осуществления правосудия относятся и прокуроры: «Прокуроры являются государственными служащими, задача которых состоит в том, чтобы всячески содействовать надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они являются частью судебного аппарата в широком смысле данного термина. В интересах общества, чтобы они, как и служащие судов, пользовались общественным доверием. Поэтому может оказаться необходимым, чтобы государство защитило их от необоснованных обвинений»².

Соответственно, журналисты, адвокаты и граждане должны проявлять уважение к судьям и прокурорам.

Распространяется ли защита «авторитета правосудия» на российские судебные департаменты? В практике Европейского Суда было дело, в котором национальные суды защитили честь и достоинство Судебного департамента в Приморском крае – дело «Романенко и другие против Российской Федерации»³. Проигравшая в судах страны сторона: редактор, журналист и учредитель газеты, в которой было опубликовано обращение общественности и ряда чиновников к региональным властям с просьбой принять меры в связи с незаконной рубкой леса, – обратилась с жалобой в Европейский Суд, поскольку иск о диффамации был вызван фразой, что «безобразия усилились» после того, как порубочный билет для строительства нового здания получил Судебный департамент. Европейский Суд установил в деле заявителей нарушение статьи 10 Конвенции, но при этом не стал рассматривать в качестве правомерной цели защиту авторитета правосудия, а ограничился анализом дела в контексте «защиты прав других лиц». Он решил, что спорное высказывание, хотя и было выражено в провокационной форме, «не вышло за рамки журналистской свободы с учетом того, что в отношении государственных органов и государственных служащих при исполнении ими обязанностей, так же как и в отношении политиков, существуют более широкие пределы допустимой критики по сравнению с частными лицами»⁴.

Какие действия и высказывания могут подрвать авторитет правосудия?

Анализ практики Европейского Суда позволяет объединить дела, в которых рассматривался вопрос о защите авторитета и независимости правосудия, в несколько категорий.

а) Критика судей и прокуроров

Прежде всего это дела о критике конкретных судей, прокуроров или института правосудия в целом. Основной подход Европейского Суда состоит в том, что необоснованные нападки на судей и прокуроров, сведение с ними личных счетов или оскорбительные высказывания в отношении них подрывают авторитет судебной власти, тем более, что судьи в силу своего статуса должны проявлять сдержанность и не имеют возможности ответить на критику. В то же время судьи не обладают полным иммунитетом от критики и должны быть готовы к тому, что их деятельность и поведение в публичной сфере представляют интерес для общества, поэтому журналисты имеют право освещать в прессе случаи недостойного поведения судей, а граждане – подавать жалобы на действия судей в квалификационные коллегии и вышестоящие инстанции.

В деле «Прагер и Обершлик (Prager and Oberschlick) против Австрии»⁵ Европейский Суд признал обоснованным привлечение к ответственности журналиста и издателя за диффамацию

¹ Постановление по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства», § 55.

² Постановление по делу «Лешник (Lešnik) против Словакии» от 11 марта 2003 г., жалоба № 35640/97, § 54.

³ Постановление по делу «Романенко и другие (Romanenko and Others) против Российской Федерации» от 8 октября 2009 г., жалоба № 11751/03.

⁴ Там же, § 47.

⁵ Постановление по делу «Прагер и Обершлик (Prager and Oberschlick) против Австрии» от 22 марта 1995 г., жалоба № 15974/90.

судьи в журнале «Форум». Журналист Прагер опубликовал длинную статью, в которой критиковал судей, заседающих в уголовных судах Австрии. По словам автора, статья основывалась на заявлениях адвокатов, сообщениях судебных репортеров, исследованиях ученых-правоведов, его собственных впечатлениях от судебных заседаний. Особенно подробно, причем в уничижительных терминах, автор дал характеристику девяти членам Венского окружного уголовного суда, в том числе судье Й., которого отнес к типу «кроликов», перечислив такие его недостатки, как запрет стажерам находиться в его кабинете, прерывание на полуслове адвокатов в ходе судебного процесса, негласное оказание консультационных юридических услуг. В статье приводился также нелестный случай из жизни судьи, связанный с приглашением проститутки, за что судья Й. привлекался к дисциплинарной ответственности. Судья добился возбуждения уголовного дела против Прагера, а также выплаты компенсации морального вреда и судебных расходов совместно с Прагером и издательства. Суд г. Айзенштадт распорядился также о конфискации нераспроданных экземпляров журнала.

Рассматривая жалобу заявителей, Европейский Суд подчеркнул, что для граждан важно иметь информацию о функционировании правосудия как института, жизненно важного для демократического общества, и пресса дает возможность всем убедиться, что судьи выполняют свои нелегкие обязанности в соответствии с той целью, ради которой им доверена их миссия. Однако, как отметил Европейский Суд, «следует учитывать и ту особую роль, которую играет в обществе судейский корпус¹. В качестве гаранта правосудия², которое является фундаментальной ценностью в правовом государстве, он должен пользоваться общественным доверием, если от него ожидают успешного выполнения возложенных обязанностей. «Следовательно, – указывает Европейский Суд в Постановлении, – может оказаться необходимой защита такого доверия от ничем необоснованных нападков, особенно с учетом того обстоятельства, что на судьях лежит обязанность сдержанности, не позволяющая им отвечать на критику»³. Критика, высказанная Прагером в отношении личной и профессиональной честности судьи, была недобросовестной и противоречила журналистской этике. С точки зрения Европейского Суда, при данных обстоятельствах вмешательство в свободу выражения было оправданным и соответствовало цели поддержания авторитета судебной власти.

В деле «Барфорд против Дании»⁴ Европейский Суд признал пропорциональным уголовное наказание за диффамацию двух непрофессиональных судей. Комментируя решение Высокого суда Гренландии по поводу налогообложения местного населения, заявитель подверг сомнению беспристрастность двух судебных заседателей – работников муниципалитета: *«Многие члены местного правительства могли бы... выждать время, чтобы убедиться, что двое судебных заседателей Гренландии – оба они, между прочим, работают непосредственно на местное правительство в качестве директора музея и консультанта по вопросам городского жилищного строительства – выполнили свой долг, и они это сделали. Двумя голосами против одного... дело было решено в пользу местного правительства, и при таком составе суда нетрудно догадаться, кто как голосовал»*. Полиция возбудила уголовное дело о диффамации, считая, что подобные замечания могут повредить репутации судебных заседателей в глазах общественности и подорвать доверие к судебной системе. Окружной суд наложил на заявителя штраф в размере 2 000 датских крон. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель настаивал, что его комментарии были призваны привлечь общественный интерес к процедуре выбора заседателей. В ответ власти государства-ответчика, с которыми согласился и Европейский Суд, отметили, что вина судебных заседателей не была доказана, а заявитель положил в основу своего обвинения сам факт того, что заседатели были служащими местного правительства, являвшегося ответчиком. Хотя этот факт может вызвать различные мнения о правильности формирования состава суда, он не являлся, по мнению Европейского Суда, доказательством пристрастности судей при вынесении решения. Судебные заседатели выполняли свои законные обязанности, оспариваемое заявление не было критикой мотивировки

¹ В английском тексте Постановления здесь использовано слово judiciary.

² В английском тексте Постановления здесь использовано слово justice.

³ Постановление по делу «Прагер и Обершлик (Prager and Oberschlick) против Австрии», § 34.

⁴ Постановление по делу «Барфорд (Barfod) против Дании» от 22 февраля 1989 г.

решения (что было бы допустимо), а было диффамационным обвинением против них лично и могло унизить их в глазах общественности. Соответственно, уголовное наказание в виде штрафа было пропорциональным и обоснованным¹.

В делах «Андрей Ломакин против Российской Федерации»² и «Галина Ивановна Чернышева против Российской Федерации»³ Европейский Суд вообще признал жалобы неприемлемыми для рассмотрения по существу. Заявитель, юрист по образованию, опубликовал в региональной газете две статьи, в которых писал об обстоятельствах получения новой квартиры С., судьи Волгоградского областного суда и председателя областной Квалификационной коллегии судей. Первая статья называлась «Судья в законе», вторая – «Добровольная отставка судьи». В них он утверждал, что судья якобы использовала свое служебное положение для получения четырехкомнатной квартиры на троих членов семьи, а предыдущую квартиру не сдала, а оставила старшей дочери. Судья С. в иске о защите чести и достоинства оспаривала высказывания, что «равенство всех перед законом заканчивается там, когда речь идет о самих судьях», что она «улучшила свои жилищные условия», получив новую квартиру и продав старую, а также что ее уход на пенсию был связан с приездом представителя Высшей квалификационной коллегии судей. Районный суд счел факты недоказанными, а само название статьи «Судья в законе» – диффамационным, поскольку оно перекликается с выражением «вор в законе», и тем самым, стилистически и семантически, формирует мнение о криминальных наклонностях судьи. Последующие судебные инстанции оставили решение в силе.

Вынося решение о неприемлемости жалобы, Европейский Суд отметил: «Хотя зачастую необходимым является защита представителей судебной власти от серьезных и необоснованных нападок, верно и то, что их поведение, даже за пределами зала заседаний и особенно когда они используют свое служебное положение, может представлять законный интерес для прессы и является важным элементом в дискуссиях о функционировании судебной системы и этических стандартах, следование которым ожидается от тех, кто был назначен следить за их соблюдением... В рассматриваемом деле публикация представляет события таким образом, что у читателей неизбежно возникает впечатление, что судья С. злоупотребляла служебным положением и нарушала закон в целях собственной личной выгоды и незаконного обогащения»⁴. В данном случае автор публикации не имел каких-либо фактических данных, которые могли бы служить основанием публикации, он использовал ее исключительно для нападок на репутацию конкретной личности, а не для информирования общественности.

Европейский Суд не согласился с тем, что статья содержала оценочные суждения, а не факты, поскольку и незаконная приватизация старой квартиры, и ее продажа, и то, что приезд начальства из Москвы послужил причиной ухода в отставку – это факты, которые могут быть подтверждены или опровергнуты. Обвинения о злоупотреблении служебным положением, сделанные заявителем, носили серьезный характер и были сделаны неоднократно. Они могли быть для судьи С. оскорбительны, повлиять на исполнение ею своих обязанностей и наносили вред ее репутации. Именно поэтому жалоба была признана явно необоснованной и неприемлемой.

В жалобе по делу «Галина Ивановна Чернышева против Российской Федерации»⁵ заявительница оспаривала решение внутригосударственных судов о выплате компенсации морального вреда прокурору Ткачу по иску о защите чести и достоинства, который он предъявил к ней после серии публикаций в прессе о судебном разбирательстве между его женой и соседями по поводу чердачного помещения. «У Европейского Суда нет сомнений, – сказано в Решении, – что

¹ Там же, §§ 30–36.

² Решение по вопросу приемлемости жалобы по делу «Андрей Ломакин (Andrey Lomakin) против Российской Федерации» от 17 марта 2005 г., жалоба № 11932/03.

³ Решение по вопросу приемлемости жалобы по делу «Галина Ивановна Чернышева (Galina Ivanovna Chernysheva) против Российской Федерации» от 10 июня 2004 г., жалоба № 77062/01.

⁴ Решение по вопросу приемлемости жалобы по делу «Андрей Ломакин (Andrey Lomakin) против Российской Федерации».

⁵ Решение по вопросу приемлемости жалобы по делу «Галина Ивановна Чернышева (Galina Ivanovna Chernysheva) против Российской Федерации».

справедливость при осуществлении правосудия является вопросом общественного значения и на журналистов возложена роль “общественного сторожа”, а также задача по выявлению попыток вмешательства в судебное разбирательство или оказания влияния на исход разбирательства внесудебными мерами», однако «в данном деле статьи описывают спор между соседями таким образом, что у читателей появляется впечатление, будто В.Н. Ткач использовал связи и властные полномочия, которые присущи государственному прокурору, чтобы склонить чашу весов правосудия в пользу своей супруги, являвшейся истцом по делу». Поскольку Чернышева писала в статье о своем личном деле, никого не цитировала, не использовала иные источники информации и не предприняла попыток доказать обоснованность своих обвинений, ее высказывания следует считать не добросовестным комментарием по проблеме отправления правосудия, а пристрастным личным выпадам против профессиональной репутации прокурора. Являясь профессиональным журналистом, она умышленно сделала общеизвестными свои доводы, опубликовав их неоднократно в газете, имеющей тираж в 3 000 экземпляров, и вред, причиненный прокурору В.Н. Ткачу, «усиливается тем, что газета, в которой они были опубликованы, является официальным периодическим изданием городской администрации», в силу чего «у читательской аудитории могло возникнуть впечатление, что критика профессиональной деятельности прокурора поддерживалась муниципальными властями». Соответственно, существовала «насыщенная социальная потребность» в том, чтобы предотвратить небрежное использование таких серьезных обвинений, и с учетом того, что на заявительницу были наложены исключительно гражданско-правовые меры ответственности, вмешательство в ее право на свободу выражения было пропорциональным.

Большие вопросы в контексте уже описанных дел вызывает Постановление по делу «Перна против Италии»¹, рассмотренное Большой Палатой в мае 2003 года. В газете *Il Giornale* была опубликована статья, в которой журналист Жанкарло Перна критиковал судебного служащего, мистера Каселли (*Gaselli*), за «коммунистическую воинственность» в те времена, когда он еще был прокурором в Палермо. Перна, во-первых, сомневался в независимости и беспристрастности Каселли из-за его коммунистического прошлого, а во-вторых, обвинял его в том, что тот в свое время держал в кулаке всех прокуроров и использовал агента-информатора против бывшего премьер-министра Италии Андреотти с целью возбудить против последнего уголовное дело. По жалобе Каселли было возбуждено уголовное дело о диффамации, при этом в ходе судебных разбирательств журналисту отказали в ходатайстве представить доказательства о соответствии его утверждений действительности. Европейский Суд, первоначально рассматривая жалобу Перну 25 июля 2001 г. во Второй Секции, не нашел нарушения права на справедливое судебное разбирательство по статье 6 Конвенции, решив, что нет оснований считать, что дополнительные доказательства добавили бы что-то новое к уже имеющимся и могли бы повлиять на исход процесса при том, что пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции гарантируют каждому обвиняемому в совершении уголовного преступления право на вызов и допрос свидетелей в свою пользу. Вторая Секция Европейского Суда исходила из того, что существование фактической основы для критики мистера Каселли журналистом Перну в суде не оспаривалось, а оспаривались лишь термины, в которых эта критика была выражена, и символический образ Каселли как воинствующего коммуниста, желающего поставить под контроль Коммунистической партии всех прокуроров, который создавался в публикациях. Поскольку критика может быть выражена в резкой и даже шокирующей форме, а фактическая база для высказываний о коммунистических взглядах Каселли существовала, то привлечение журналиста к уголовной ответственности за высказывания о «коммунистической воинственности» члена судейского сообщества не было вызвано острой социальной потребностью, в связи с чем Секция установила нарушение статьи 10 Конвенции. Европейский Суд исходил также из того, что статья, в которой рассказывается о политической активности судьи, не наносит ущерба доверию со стороны граждан, которое необходимо для процветания правосудия, поскольку в силу своей политической активности судья сам неизбежно вызвал критику со стороны прессы и нанес таким образом ущерб этому доверию. Однако Вторая Секция сочла обоснованным привлечение жур-

¹ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна (Perna) против Италии» от 6 мая 2003 г., жалоба № 48898/99.

налиста к ответственности за спекулятивные обвинения члена судейского корпуса в том, что он якобы установил контроль над органами прокуратуры в ряде городов и, особенно, в привлечении им агента для возбуждения дела против Андреотти. Большая Палата, пересматривая дело в мае 2003 года, пришла к выводу, что нарушения статьи 10 Конвенции не было вообще ни по одному из эпизодов. В этот раз Европейский Суд сосредоточил свое внимание на общем содержании статьи, которое прямолинейно подводило к мысли, будто бы Каселли заведомо подстроил обвинение Андреотти, приводя в исполнение стратегию Коммунистической партии Италии по установлению контроля за всеми органами прокуратуры в стране. Большая Палата сочла, что преследование журналиста было необходимо для защиты репутации других лиц (а уже не судебной власти!) и что журналист не доказал факты, лежащие в основе его утверждений (хотя ему не предоставили возможности представить свои доказательства). Как и Вторая Секция, Большая Палата Европейского Суда решила, что новые доказательства вряд ли бы добавили что-то новое к уже имеющимся, что вызывает вопросы в свете того, что неизвестно, какие именно показания могли бы дать свидетели, на допросе которых настаивал журналист.

Вместе с тем защита судей от критики не является абсолютной, и не всегда баланс проводится в пользу работников суда и прокуратуры. Например, в деле «Сабу и Пиркалаб (Sabou and Pircalab) против Румынии»¹ было найдено нарушение статьи 10 Конвенции в случае, когда журналисты за написание статей о незаконном захвате земель матерью председателя районного суда и коррупции в судебной системе были привлечены к уголовной ответственности, причем один из них – к 10 месяцам лишения свободы и лишению избирательных и родительских прав на этот срок. Европейский Суд отметил, что в статьях обсуждались вопросы, к которым у граждан Румынии был повышенный интерес, а именно вопросы реституции земель и коррупции среди чиновников высшего звена. Сами обвинения, хотя и были очень серьезными, имели под собой фактическую основу, и не было приведено каких-либо доказательств, что они полностью выдуманы. Содержание статей касалось деятельности, связанной со статусом судьи, а не аспектов частной жизни. Следует учитывать и то, что суд отказался приобщить к материалам дела доказательства, представленные журналистами, а также то, что заявители предпринимали попытки связаться с судьей для получения комментариев и что они брали объяснения у префекта и изложили их в статье. Таким образом, нет оснований сомневаться в том, что журналисты действовали добросовестно. Назначенное им наказание было суровым и явно непропорциональным заявленной цели.

Нелицеприятные высказывания о представителе судейского корпуса были признаны допустимыми в деле «Райчинов против Болгарии»². Заявитель был главой подразделения, отвечавшего в Министерстве юстиции за финансово-хозяйственную деятельность судов. В этом качестве он посещал заседания Верховного судебного совета – органа, ответственного за бюджет судебной системы. На одном из заседаний, где присутствовал заместитель Генерального прокурора С., Райчинов, комментируя принятые на Совете решения, сказал: «Вы решили поручить ведение финансовых дел С. На мой взгляд, он не чист на руку. Я могу это доказать». Министр юстиции попросил его взять свои слова назад, но Генеральный прокурор возразил: «Нельзя взять слова назад. Здесь присутствуют представители органов уголовного преследования, и уже есть преступление». После заседания было возбуждено уголовное дело об оскорблении, суд признал Райчинова виновным и приговорил его к штрафу. Ко времени подачи Райчиновым жалобы в Европейский Суд С. стал президентом Верховного административного суда и членом Конституционного суда. Однако заявитель отметил, что высокий статус С. не является достаточным основанием для того, чтобы к нему относились по-особому. Райчинов также не согласился с тем, что его мнение о невысоких моральных качествах мистера С. могло как-то подорвать доверие к судебной системе в целом. Власти государства-ответчика считали, что мнение заявителя сказалось на репутации члена Верховного судебного совета, которому было доверено распоряжаться бюджетом судебной системы, и, следовательно, слова заявителя подрывали доверие к судебной системе в целом. Европейский Суд в очередной раз отметил, что может возникнуть

¹ Постановление по делу «Сабу и Пиркалаб (Sabou and Pircalab) против Румынии» от 28 сентября 2004 г., жалоба № 46572/99.

² Постановление по делу «Райчинов (Raichinov) против Болгарии» от 20 апреля 2006 г., жалоба № 47579/99.

необходимость защищать судебную власть от разрушительных нападков, лишенных серьезных оснований, тем более что обязанность проявлять сдержанность не дает судебным работникам возможности отвечать на такие нападки. Однако проанализировав все факты, он не согласился с тем, что целью вмешательства было, помимо защиты чести и достоинства, обеспечение авторитета и беспристрастности судебной власти. Заседание проходило за закрытыми дверями, представителей общественности на нем не было. Жертвой нападков был представитель власти – публичная фигура, в отношении которой границы приемлемой критики выше, чем по отношению к обычному гражданину. Верно, что как чиновник, назначенный на должность, С. не представлял свою деятельность на всеобщее обозрение и как должностное лицо при исполнении своих обязанностей он должен пользоваться доверием общества, но поскольку заседание носило закрытый характер, высказывания заявителя не могли подорвать доверие граждан к деятельности судьи С. Кроме того, вмешательство не было пропорциональным, поскольку было использовано уголовное преследование, хотя к нему следует прибегать лишь в крайних случаях, когда нет других способов ответить на необоснованную критику. В результате было установлено нарушение статьи 10 Конвенции.

Допустимой и обоснованной была признана критика судей также в деле «Безымянный против Российской Федерации»¹. В нем Европейский Суд еще раз подтвердил, что «важная роль, которую играет судебная власть в демократическом обществе, сама по себе не может предоставить судьям иммунитет от жалоб гражданина»². Бизнесмен Безымянный обжаловал в Европейский Суд привлечение к уголовной ответственности за клевету и по гражданско-правовому иску о диффамации за то, что он написал жалобы на судью Б. в прокуратуру, квалификационную коллегия судей и председателю областного суда. В жалобах он утверждал, что судья, рассматривая дело о рейдерском захвате его бизнеса, совершила преступление путем вынесения заведомо неправосудного решения, основанного на неправильных и даже поддельных документальных доказательствах. Европейский Суд исходил из того, что заявитель распространил информацию не в средствах массовой информации, а в своих обращениях в государственные органы, так что эти сведения не были доступны широкой публике и в силу этого не представляли угрозы судебной системе и не могли подорвать веру граждан в ее честность. В свете всех фактов дела его следовало рассматривать не с точки зрения свободы прессы или дискуссии по общественно важным вопросам, а в контексте права заявителя сообщать о нарушениях в деятельности должностного лица в органы, компетентные рассматривать такие жалобы.

Подобным образом, как было установлено в деле «Маронек против Словакии»³, не преступает допустимых пределов критическая публикация про прокурора, который незаконно занимал приватизированную государственную квартиру, поскольку данная публикация, без сомнения, поднимает вопросы, представляющие общий интерес, в частности, болезненный для общества вопрос приватизации жилья.

Таким образом, общественный интерес может перевешивать задачу поддержания авторитета правосудия⁴.

б) Комментирование неоконченных судебных процессов

Авторитет и беспристрастность правосудия могут пострадать и тогда, когда журналисты или стороны публично комментируют ход судебного процесса, рассчитывая на то, что публичная кампания повлияет на исход процесса в нужном им направлении. Соответственно, дела о привлечении журналистов, адвокатов, истцов или ответчиков за нарушение судебного запрета на публикации, принятого в качестве обеспечительной меры, либо за явно голословные и предвзятые комментарии хода судебного процесса составляют вторую категорию дел, требующую обобщения и анализа.

¹ Постановление по делу «Безымянный (Bezmyannyy) против Российской Федерации» от 8 апреля 2010 г., жалоба № 10941/03.

² Там же.

³ Постановление по делу «Маронек (Maronek) против Словакии» от 19 апреля 2001 г., жалоба № 32686/96.

⁴ См. также анализ дел по критике судей: Карасева И.А. Свобода выражения мнения vs. независимость и авторитет суда: конкурирующие конституционные ценности? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8.

Прежде всего недопустима критика неоконченного судебного процесса, которая может повлиять на его исход и заменить суд права судом общественного мнения. В деле «Ворм (Worm) против Австрии»¹ Европейский Суд не нашел нарушения статьи 10 Конвенции в отношении заявителя-журналиста, который на основании нормы Закона о СМИ был привлечен к ответственности в Австрии за «запрещенное влияние на ход уголовного процесса». Ворм работал на журнал «Профиль» и в течение ряда лет проводил журналистское расследование деятельности бывшего вице-канцлера и министра финансов Андроша, который был вовлечен в серию уголовных процессов. В 1989 году Андрош был осужден за то, что дважды в качестве свидетеля давал ложные показания суду, в которых утверждал, что получал некоторые суммы денег со счетов С., в то время как в действительности эти суммы поступали со счетов, принадлежащих ему же самому, жене и матери. Спустя два года ему вынесли приговор за уклонение от уплаты налогов. Во время второго процесса Ворм опубликовал статью, в которой с сарказмом комментировал ход процесса, давал психологические характеристики прокурору, судье и обвиняемому, выражал уверенность в том, что приговор будет обвинительным. Обсуждая решение внутригосударственных судов, Европейский Суд отметил, что фраза «авторитет правосудия» включает, в частности, понимание того, что суды являются надлежащим форумом для разрешения правовых споров и решения вопроса о виновности или невиновности человека, обвиняемого в совершении преступления, и именно в этом качестве они воспринимаются народом; что люди в большинстве своем испытывают к судам уважение и доверие, поскольку надеются на то, что они справедливо выполняют возложенную на них функцию. «Беспристрастность, – замечает Европейский Суд, – обычно означает отсутствие предубеждения или предвзятости... Однако Европейский Суд неоднократно повторял в своих решениях, что главным в поддержании беспристрастности правосудия является та уверенность, которую суды в демократическом обществе должны поддерживать как в обвиняемых, если речь идет об уголовных процессах, так и в населении в целом».² Следовательно, для обеспечения беспристрастности правосудия государства – участники Конвенции могут принимать меры для защиты данной фундаментальной для демократического общества ценности, которая важна независимо от конкретного рассматриваемого дела. Суды не могут действовать в вакууме, и существуют площадки для дискуссии по вопросам уголовного правосудия: в специализированных журналах, общедоступной прессе и среди населения в целом, для этого же судебные слушания проходят публично, в открытом заседании. Что же касается данного дела, то статья Ворма переступила границы, установленные в интересах надлежащего отправления правосудия, так как она могла повлиять на исход судебного процесса.

Интересно сравнить это дело с делом «Кракси против Италии (№ 2)»³, в котором речь шла об освещении в СМИ уголовного процесса по обвинению бывшего премьер-министра Италии в коррупции, незаконном получении денег, необоснованном обогащении и незаконном финансировании политических партий. Обвиняемый скрылся за границу, не явился в суд и был осужден заочно. В 1995 году прокурор получил санкцию на прослушивание его телефонных разговоров с Италией и огласил часть из них в судебном заседании. Пресса опубликовала об этом информацию, обнародовав имена собеседников. Впоследствии суд решил не приобщать к делу в качестве доказательств часть выдержек из прослушанных телефонных разговоров. Обвиняемый был в конечном счете приговорен к 4,5 годам лишения свободы и выплате штрафа. Он обжаловал распространение в прессе информации личного характера, не имевшей отношения к предъявленным обвинениям, в частности, переговоров с женой и друзьями. Внутригосударственные суды отказали ему в иске, ссылаясь на публичность судебного процесса и отсутствие секретности в материалах, которые были оглашены.

Европейский Суд, решая вопрос, не является ли публикация разговоров вторжением в частную жизнь, встал на сторону заявителя. Европейский Суд повторил, как и в деле Ворма, что свобода выражения составляет одну из существенных основ демократии и что публикация в

¹ Постановление по делу «Ворм (Worm) против Австрии» от 29 августа 1997 г., жалоба № 83/1996/702/894. (В ряде переводов на русский встречается написание «Уорм против Австрии». – *Примеч. автора*).

² Там же, § 40.

³ Постановление по делу «Кракси (Craxi) против Италии (№ 2)» от 5 декабря 2002 г., жалоба № 34896/97.

прессе репортажей о идущих судебных процессах в целом возможна, поскольку суды не могут осуществлять свою деятельность в вакууме, и что презумпция невиновности допускает еще до вынесения приговора ведение дискуссии в специализированных журналах, прессе и среди публики о конкретном процессе, хотя только суд является форумом для вынесения решения о виновности или невиновности лица. Репортажи и комментарии о ходе судебного процесса полностью отвечают принципу публичности судопроизводства. Европейский Суд признал, что интерес общественности к делу и то значение, которое оно имело, связаны с известной позицией заявителя и общим политическим контекстом, и что пресса неизбежно пишет о делах, в которых ставится под сомнение нравственность высоких должностных лиц, а также отношения между миром политики и миром бизнеса. Хотя публикация в данном деле не могла повлиять на исход процесса, тем не менее предание огласке отрывков разговора, которые носили исключительно частный характер, и действия властей Италии, которые не смогли обеспечить нераспространение этих сведений в ходе процесса, привели к нарушению права обвиняемого на неприкосновенность тайны частной жизни.

Может возникнуть вопрос и о том, насколько приемлемо в аспекте защиты беспристрастности правосудия комментировать ход судебного расследования. Например, дело «А.В. против Швейцарии»¹ возникло из жалобы журналиста, который подвергся уголовному наказанию за то, что опубликовал информацию об уголовном деле автомобилиста, совершившего ДТП. В статье указывались анкетные данные подследственного, цитировались показания обвиняемого следственному судье и полицейским, а также письма судье и показания врача. Европейский Суд согласился с внутригосударственными властями, что вмешательство государства в право заявителя преследовало правомерные цели: предотвращение раскрытия сведений, полученных конфиденциально, поддержку авторитета и беспристрастности правосудия, защиту репутации других лиц. Однако уголовное наказание за нарушение тайны следствия Европейский Суд посчитал непропорциональной мерой, поэтому установил нарушение статьи 10 Конвенции.

Следует обратить внимание, что Европейский Суд часто считает уголовное наказание за нарушение границ свободы слова непропорциональным и подходит к анализу фактов в таких случаях с предельной тщательностью. Так, в деле «Вебер (Weber) против Швейцарии»² Европейский Суд нашел нарушение в том, что к журналисту за разглашение данных судебного следствия по делу, участником которого он являлся, была применена уголовная санкция в виде штрафа. Журналист сообщил на пресс-конференции, что следственный судья во время заседания требовал от него предоставить счета различных организаций, которыми он руководит, в связи с чем он заявил отвод судье и направил на него жалобу. Европейский Суд согласился с тем, что привлечение журналиста к ответственности было направлено на обеспечение должного порядка проведения следствия и тем самым предназначено для защиты авторитета и беспристрастности правосудия, но наказание именно уголовное не было «необходимым в демократическом обществе» особенно с учетом того, что информация уже стала достоянием гласности на предыдущей пресс-конференции, и мотив защиты конфиденциальности фактов уже отсутствовал.

Для того, чтобы избежать давления на суд со стороны общественного мнения, суды по ходатайству заинтересованной стороны могут наложить запрет на публикации о процессе до вынесения решения. Основная проблема, которая возникает в связи с этим, то, что запрет выносится в отношении одного издания либо одной из сторон процесса, в то время как другие издания или граждане могут освещать ход процесса, в результате чего теряется смысл такого запрета. Одно из первых дел этой категории, «Санди Таймс» против Соединенного Королевства», было описано выше, когда речь шла о толковании понятия «правосудие». В этом деле, напомним, было установлено нарушение статьи 10 Конвенции.

Нарушение из-за необоснованно широкого по времени и содержанию запрета на публикации было найдено и в деле «Обухова против Российской Федерации»³. Журналистка Обухова опубликовала в ярославской газете «Золотое кольцо» статью под названием «Через год аресто-

¹ Постановление по делу «А.В. (A.V.) против Швейцарии» от 1 июля 2014 г., жалоба № 56925/08.

² Постановление по делу «Вебер (Weber) против Швейцарии» от 22 мая 1990 г.

³ Постановление по делу «Обухова (Obukhova) против Российской Федерации» от 8 января 2009 г., жалоба № 34736/03.

вали автомобиль», в которой рассказывала о ДТП с участием гражданина Анатолия П., который ехал со своей семьей, и судьи областного суда Галины Басковой. ГИБДД признала, что водитель П. невиновен, однако спустя год он получил исполнительный лист, по которому был обязан выплатить 75 000 рублей судье Басковой, а также постановление о наложении ареста на его собственность и автомобиль. Статья содержала информацию об аварии с изложением версий судьи, сотрудников ГИБДД, семьи П. и свидетелей ДТП. Она заканчивалась словами: «П. помнят угрозы Галины Борисовны (Басковой), которые она высказала сразу после аварии: “Всё равно вы мне купите новую машину!”» В статье также была фраза из письма жены водителя: «Похоже, Галина Борисовна Баскова использует свое должностное положение и связи в судебной системе». Судья предъявила иск о защите чести и достоинства к жене водителя и обратилась к суду с ходатайством принять обеспечительные меры в отношении газеты: запретить публикацию в ней «любых статей, писем или материалов об обстоятельствах дорожной аварии 22 сентября 2001 г., а также о ходе судебного процесса впредь до его окончания». Суд принял решение об опубликовании в газете опровержения порочащих сведений, а также вынес определение об обеспечении иска, так как продолжение публикаций об аварии «подорвало бы исполнение судебного решения», поскольку одновременно с опровержением газета продолжила бы публикацию другой точки зрения на аварию.

Европейский Суд согласился признать, что одной из законных целей запрета была защита авторитета правосудия, «поскольку эта фраза предполагает защиту прав тяжущихся сторон» и поскольку суд налагал судебный запрет с целью предотвратить нанесение ущерба возможным правам истца. Тем не менее запрет был неоправданно широким, потому что мера касалась публикации «любых статей, писем или других материалов» об обстоятельствах ДТП с участием судьи Басковой или о судебных разбирательствах, связанных с этим ДТП. Европейский Суд отметил, что, хотя статья 10 Конвенции не содержит запрета на предварительные ограничения публикаций или их распространение, подобного рода ограничения таят в себе значительные опасности для демократического общества и свободы слова, поэтому они требуют самого пристального контроля со стороны Европейского Суда, а у государств существует только очень узкая свобода усмотрения в таких вопросах. Европейский Суд, вынося решение в пользу журналистки Обуховой, принял во внимание, что информация о ДТП подавалась в статье не односторонне, а с изложением мнений на проблему свидетелей, сотрудников ГИБДД и обеих сторон процесса. Ни одно из упомянутых в статье свидетельств не оспаривалось в ходе рассмотрения иска о диффамации как недостоверное, вместо этого российские суды сосредоточились на рассмотрении только одного аспекта дела, а именно утверждения о том, что у судьи предположительно имелись связи в судебных органах. Вместе с тем, поскольку судья выступала в ДТП как частное лицо, запрет публикаций нельзя рассматривать как необходимый для защиты авторитета правосудия, и хотя утверждения о том, что судья пользовалась своими связями, может рассматриваться как диффамационное и могло повредить авторитету судебной власти, объем наложенного запрета, широкого и тотального, был непропорциональным этой заявленной цели. Наоборот, запрет сослужил судебной системе дурную службу, уменьшив прозрачность правосудия и спровоцировав сомнения в его беспристрастности.

Аналогичным образом вопрос о правомерности наложения судебного запрета на распространение отрывков из мемуаров, написанных ушедшим на пенсию сотрудником Секретной службы МИ-6, решался и в деле «“Обсервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства»¹. Запрет был наложен по требованию Генерального прокурора, который считал, что изложенная в книге информация может повредить интересам национальной безопасности. Европейский Суд признал, что запрет на распространение материалов до окончательного судебного решения, будучи направленным на защиту права Генерального прокурора как стороны спора, преследовал, помимо защиты национальной безопасности, также законную цель поддержания авторитета судебной власти. Однако поскольку книга «Ловец шпионов» уже была опубликована в США и жители Соединенного Королевства приобрели значительное количество экземпляров, а судебный запрет был наложен только на две газеты, в то время как остальные могли продол-

¹ Постановление по делу «“Обсервер” и “Гардиан” (Observer and Guardian) против Соединенного Королевства» от 26 ноября 1991 г., жалоба № 13585/88.

жать публиковать материалы из книги, то запрет являлся непропорциональной мерой, нарушившей право «Обсервера» и «Гардиана» на свободу выражения.

в) Критика принятых судебных решений

В третью категорию дел можно выделить те, в которых поднимался вопрос о допустимости критики принятых судебных решений. В 1997 году Европейский Суд рассмотрел дело «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии»¹. В 1986 году они опубликовали пять статей, в которых обстоятельно и резко критиковали четырех магистратов, трех судей и генерального адвоката Апелляционного суда Антверпена за то, что в деле о разводе суд вынес решение оставить детей с отцом, Х, бельгийским нотариусом. Жена, тесть и теща Х обвиняли его в инцесте и совращении детей. В статьях судьи и генеральный адвокат были обвинены в пристрастности и попустительстве Х, чью симпатию к правозащитным движениям они якобы разделяли. Х возбудил дело о диффамации, но проиграл его. Судьи и генеральный адвокат также предъявили к заявителям и некоторым другим сотрудникам еженедельника иск, в котором жаловались на нападки личного характера, которым их подвергли в журналистских комментариях по поводу решения суда. Журналисты, по мнению магистратов, позволили себе замечания диффамационного характера, обвинив их в явной предвзятости и трусости, а также в неприкрытых симпатиях к ультраправым. Суды Бельгии вынесли решение в пользу истцов. Власти государства-ответчика утверждали, что оспариваемые публикации в прессе были далеки от того, чтобы стимулировать дискуссию о функционировании судебной системы в Бельгии, и содержали лишь личные оскорбления. Заявители, в свою очередь, настаивали на том, что их статьи вписываются в публичную дискуссию, которая велась в обществе и прессе, о кровосмешении и том, как судебные власти подходят к данной проблеме. Они провели серьезную подготовительную работу, опросили множество экспертов, собрали доказательства. По их мнению, их нельзя было привлекать к ответственности за диффамацию лишь на том основании, что их выводы, как следовало разрешить дело, разошлись с решениями Апелляционного суда г. Антверпена. Европейский Суд согласился с заявителями, что «установление "судебной истины" не означает, что любое другое мнение должно рассматриваться как ложное», и в целом принял аргументацию заявителей. Хотя «суды – гаранты правосудия, их роль является ключевой в государстве, основанном на верховенстве закона» и «поэтому они должны пользоваться доверием общественности и, соответственно, быть защищены от ничем не обоснованных нападков»², «на прессе лежит обязанность сообщать информацию и идеи, представляющие общественный интерес. Задаче прессы сообщать такую информацию и идеи соответствует право общественности получать их. Это особенно справедливо в отношении настоящего дела, учитывая серьезность обвинений, которые касаются как судьбы малолетних детей, так и функционирования системы правосудия в г. Антверпене. Более того, заявители высказались на этот счет совершенно ясно в своей статье от 18 сентября 1986 г.: «Пресса не должна принимать на себя роль суда, но в данном скандальном деле невозможно и нелепо оставаться немой»³. С учетом всех обстоятельств дела Европейский Суд нашел нарушение статьи 10 Конвенции, решив его в пользу журналистов.

г) Границы свободы выражения мнения судьями

Наконец, встает вопрос о границах свободы выражения мнения самими судьями. По общему правилу, они менее свободны в выражении своих взглядов, поскольку принцип авторитета и беспристрастности правосудия требует от них сдержанности. Тем не менее публичный интерес может перевешивать это общее правило.

Одним из самых ранних дел, в котором Европейскому Суду пришлось обсуждать вопрос о пределах свободы выражения судей в публичных выступлениях, было дело «Вилле против Лихтенштейна»⁴. Заявитель, будучи членом правительства, вступил в политический спор с Его Светлостью князем Лихтенштейна Хансом-Адамом II. Уйдя из правительства, Вилле в 1993 году

¹ Постановление по делу «Де Хаэс (De Haes) и Гийселс (Gijssels) против Бельгии» от 24 февраля 1997 г.

² Там же, § 37.

³ Там же, § 39.

⁴ Постановление по делу «Вилле (Wille) против Лихтенштейна» от 28 октября 1999 г., жалоба № 28396/95.

был назначен на должность председателя Административного суда. Спустя два года он выступил с лекцией «Природа и функции Высшего государственного суда Лихтенштейна», в которой высказал мнение, что необходимо расширить компетенцию данного суда, наделив его полномочием решать вопросы по толкованию Конституции в случае разногласия между Князем (Правительством) и Ландагом. Князь направил в адрес Вилле письмо, в котором выразил свое негативное отношение к публичному выражению подобных взглядов со стороны судьи и сообщил, что не намерен в дальнейшем переназначать его на должность. При рассмотрении жалобы Вилле Европейский Суд подчеркнул, что публичные выступления судей высокого ранга связаны, как гласит текст пункта 2 статьи 10 Конвенции, с «обязанностями и ответственностью», и что от судей как государственных служащих ожидается, что они будут проявлять сдержанность при выражении своего мнения во всех ситуациях, когда под вопрос могут быть поставлены авторитет и беспристрастность правосудия. Власти государства-ответчика утверждали, что судья Вилле нарушил клятву лояльности Князю, что его лекция была не простым научным комментарием, а содержала явно политизированный подтекст, направленный на ограничения полномочий суверена и стремление поставить его под контроль высшего судебного органа, в котором служил и сам выступающий. Европейский Суд согласился с политизированностью обсуждаемого вопроса, но отметил, что лекция не содержала личных нападок на судей или Князя, в ней не комментировались находящиеся на рассмотрении суда дела, к тому же прозвучавшая точка зрения высказывалась ранее и другими академическими учеными. Таким образом, выступление судьи с публичной лекцией в академическом институте не вышло за пределы гарантируемой ему свободы выражения мнения. В свете этих обстоятельств отказ Князя переназначить судью не привел к нарушению статьи 10 Конвенции.

Если вопрос с научными трудами и лекциями судей более или менее понятен, то спорным является вопрос, могут ли судьи обнародовать внутриведомственную информацию и если да, то при каких условиях? Подход Европейского Суда таков: хотя судьи и должны проявлять сдержанность и лояльность и стремиться обсуждать вопросы внутренней жизни судейского сообщества не публично, а внутри самой системы, общественный интерес может перевешивать эти общие принципы, если информация точна и достоверна, не преследует цели извлечения личной выгоды и сведения счетов с коллегами, и обращение в вышестоящую инстанцию с жалобой или заявлением бессмысленно или невозможно. Так, в деле «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации»¹ Европейский Суд признал, что дисциплинарное наказание в виде отрешения судьи от должности за публичные высказывания в прессе, критикующие председателя городского суда и комментирующие факты уголовного дела, судебное рассмотрение которого не закончено, нарушило статью 10 Конвенции, поскольку вопросы функционирования судебной системы являются вопросами, представляющими общественный интерес, и хотя важно поддерживать авторитет и беспристрастность правосудия, критика судебной системы, в том числе самими судьями, в определенных ситуациях может быть оправдана.

«Выносить сор из избы» в случае важности проблемы и повышенного к ней общественного интереса могут и прокуроры. Это подтверждено в Постановлении по делу «Гуджа против Республики Молдова»², в котором нарушение свободы слова прокурора было найдено в том, что его уволили за публикацию двух писем, полученных прокуратурой от заместителя председателя парламента, который просил прокуратуру повнимательнее посмотреть дело четырех сотрудников полиции, обвиняемых в жестоком обращении с задержанными. Прокурор признал факт передачи писем в СМИ, считая, что поступил правильно и в общественных интересах, поскольку публика должна быть проинформирована о том, что на прокуратуру пытаются оказать политическое давление. Европейский Суд посчитал, что действительно баланс в данном случае должен быть проведен в пользу права на получение информации, а не в пользу защиты авторитета судебной власти.

¹ Постановление по делу «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации» от 26 февраля 2009 г., жалоба № 2949/05, §§ 85–86.

² Постановление по делу «Гуджа (Guja) против Республики Молдова» от 12 февраля 2008 г., жалоба № 14277/04.

Наконец, следует упомянуть дело «Олександр Волков против Украины»¹, которое не относится ни к одной из перечисленных категорий, поскольку оно касается не свободы слова, а процедуры отстранения судьи от должности. Судья Верховного суда и заместитель председателя Совета судей Украины О. Волков был уволен за нарушение присяги, которое состояло в том, что на протяжении трех лет он принимал участие в пересмотре судебных решений, принятых в нижестоящем суде его родственником, братом жены. Европейский Суд признал процедуру освобождения О. Волкова от должности не соответствующей принципам Конвенции, так как решение о его отставке было принято с нарушением фундаментальных прав на справедливое судебное разбирательство, рассмотрение дела «судом, установленным законом» и уважение частной жизни (статьи 6 и 8 Конвенции). Выводы Европейского Суда не ограничиваются решением персонального вопроса конкретного судьи, а выявляют системные проблемы независимости судебной власти в Украине, такие как отсутствие реального разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, что вызывает политическую и организационную зависимость судов и судей; политизированность механизма формирования судейского корпуса и «ручное управление» судами, решение кадровых вопросов в судебной системе фактически из одного административного центра, находящегося вне границ судебной власти; доминирование субъективных критериев в процедуре привлечения судей к ответственности за нарушение присяги; абсолютная незащищенность судей перед бесосновательным дисциплинарным преследованием, в частности перед обвинением в нарушении присяги. Данные системные проблемы приводят к избирательному применению мер дисциплинарной ответственности, что создает в судейской среде атмосферу страха и тотальной зависимости судей от политической конъюнктуры. Властям Украины предписано отчитаться о выполнении мер общего характера, которые должны привести к недопустимости нарушений прав, гарантированных Конвенцией, в том числе прав судей.

Итак, в заключение можно сформулировать следующие общие выводы.

1) «Правосудие» в толковании Европейского Суда включает в себя «органы правосудия», а именно судей, работников судов и прокуроров, участвующих в процессе, а также сам процесс судопроизводства и судебного следствия.

2) Авторитет правосудия страдает, когда журналисты, участники процесса или иные лица допускают неуважение к суду, оскорбительные нападки личного характера на судей и прокуроров или распространяют о них порочащие сведения, которые не соответствуют действительности.

3) Беспристрастность правосудия может пострадать, если суд права будет заменяться судом общественного мнения и общественность будет оказывать давление на суд. Для того чтобы избежать этого, суд может принять решение о запрете публикаций о ходе процесса, предсказывающих его исход, или требовать неразглашения информации, полученной в ходе процесса.

4) Журналисты и участники процесса должны проявлять сдержанность в репортажах и критических комментариях о судьях, не допуская высказываний, которые направлены исключительно на сведения личных счетов.

5) Судьи должны проявлять сдержанность в публичных комментариях по поводу продолжающихся судебных процессов или при критике судебной системы в целом, что не лишает их права на свободу выражения в научной или иной публичной дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес.

6) В случаях, когда внутренняя информация о деятельности суда или поведении отдельных судей является общественно значимой, а обращение к вышестоящему судье не представляется возможным или эффективным, судья имеет право вынести обсуждение проблемы отправления правосудия в публичную сферу. В частности, это касается вопросов коррупции в судебной системе или давления на суд.

7) Журналисты и участники судебного процесса, чьи действия могут нанести ущерб авторитету правосудия, могут привлекаться к ответственности, которая, по возможности, не должна быть уголовной, поскольку такая мера с большой долей вероятности будет признана Европейским Судом непропорциональной заявленной цели.

¹ Постановление по делу «Олександр Волков (Oleksandr Volkov) против Украины» от 9 апреля 2013 г., жалоба № 21722/11.